

27. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Acta Germano-Slavica. – 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.

28. Лю, Т. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Т. Лю, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов / отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ, 2017. – С. 71–73.

29. Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language / Y. Petrusheuskaya // Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science. – 2019. – № 2. – Pp. 115–121.

30. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.

31. Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : URSS, Ленанд, 2014. – 528 с.

32. Хуан, Ц. Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах / Ц. Хуан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 138–144.

33. Ди, Я. Репрезентация символических смыслов числового кода культуры в русском и китайском языках (на материале фразеологизмов с компонентами два – 无 и пять – 五) / Я. Ди, Л. А. Киселева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (135). – С. 195–199.

34. Ма, Ш. Числовая концептуализация мира в русских и китайских поговорках (на примере чисел первого десятка) / Ш. Ма // Региональная картина мира в языковой концептуализации: универсальное и уникальное / под ред. Е. А. Горобец. – Казань : КФУ, 2021. – С. 61–70.

Abstract. The article examines the composition and semantics of lexical components-numeratives in Russian sayings and proverbs. Components denoting numbers are differentiated according to semantic characteristics. It is noted that in Russian sayings and proverbs the names of all the numbers of the first ten are found, six names of numbers are predominantly used (one, two, seven, ten, three, nine), the numerative six is not recorded, five and eight are found sporadically. Numerical phraseological units can denote both a definite and an indefinite quantity. Most lexical components with quantitative meaning are desemantized in sayings and proverbs, losing their specific numerical meaning, but forming a generalized meaning of the entire stable expression as a whole.

Keywords: Russian language, saying, proverb, number, lexical component, numerative, semantics.

Жу Юе – магистр филологических наук; Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (ling-msu@mail.ru).

УДК 811.161.1'373.4:398.92

П. С. Завтрикова

О ВАРИАТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА С КАКОЙ СТОРОНЫ НИ ГЛЯНЬ

Аннотация. В статье охарактеризованы варианты фразеологизма *с какой стороны ни глянь*, выявленные на основе ресурсов Национального корпуса русского языка. Описаны изменения глагольного компонента устойчивой единицы. Определена степень распространенности вариантов фразеологизма в речи носителей русского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, вариант, уступительное значение, НКРЯ, статистический анализ.

Значение уступительности распространено в языке и может быть выражено при помощи разных языковых единиц, а значит, «оно является, по терминологии

Ю. Д. Апресяна, системообразующим смыслом – смыслом, формирующим семантическую систему языка в целом» [1, с. 17]. Уступительные конструкции «обнаруживают замысел автора противопоставить определенные явления и факты, подчеркивают его оценку событий, создают у читателя определенное впечатление о реальности, <...> демонстрируют способы организации автором фонового диалога с читателем» [2, с. 3].

Многообразность и многофункциональность конструкций с уступительным значением обуславливает их распространение в паремиифонде русского языка. Одним из способов выражения такого значения становятся конструкции, содержащие в своем составе сочетания относительных наречий и местоимений с усилительной частицей *ни*. Исследователь И. Г. Гомонова в статье «Русские предложения-паремии с уступительным значением» отмечает, что предложения-паремии с сочетаниями *как ни*, *сколько ни*, *что ни*, *где ни* и другие «широко представлены в русском языке, во многом вследствие способности выражать значение обобщенности, которое является характерным признаком пословиц и поговорок» [3, с. 367].

В настоящей статье объектом изучения является фразеологизм *с какой стороны ни глянь*. Главной задачей работы является выявление вариантов данной фразеологической единицы и определение степени их распространенности в речи носителей языка.

Анализируемый фразеологизм фиксируется во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А. И. Фёдорова и характеризуется следующим значением: «во всех отношениях» [4]. В словаре также приведено несколько единиц, которые являются синонимами исследуемого фразеологизма (*куда ни глянь*, *куда ни кинь*, *куда ни повороти*, *как ни верти*, *как ни поверни* и др. [4]). Устойчивость фразеологической модели «относительное наречие (реже – местоимение)» + «усилительная частица *ни*» + «глагол в форме повелительного наклонения 2 лица единственного числа» и стереотипность выражаемого посредством такой модели значения наводят на мысль о том, что фразеологизм *с какой стороны ни глянь* может существовать в речи носителей языка в разных вариантах.

Для проверки этого предположения закономерно обратиться к ресурсам Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5]. По замечанию В. П. Захарова, специалиста в области компьютерных технологий в языкознании, «корпусы и инструментарий корпусной лингвистики позволяют выявить и существенно расширить лексический фонд устойчивых словосочетаний и особенности их бытования» [6, с. 91].

В НКРЯ представлено всего 7 иллюстраций употребления словарного варианта фразеологизма *с какой стороны ни глянь*:

Потому что оно действительно чисто. С какой стороны ни глянь – чисто. Это всё равно, что войти в дом к хорошим хозяевам – чистота бросается в глаза (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)) [5];

И что-то сходное со смущением обозначилось в его сердечном состоянии, но не так, чтобы потревожить, напротив, ему сделалось приятно, что такой, с какой стороны ни глянь, удивительный человек посетил его (К. Балков. Балалайка // «Сибирские огни» (2013)) [5].

Расширенный поиск в НКРЯ по словам *с* + *какой* + *стороны* + *ни* + «глагол» позволил собрать картотеку фактического материала из 72 контекстов, в которых фиксируется вариант исследуемого фразеологизма с измененным глагольным компонентом:

– *Это тебе виднее, ты шеф безопасности, тебе такие делишки не новость. – Не новость. И вот одна штука мне никак не нравится. Да, с какой стороны ни крути, а не нравится* (В. Валеева. Скорая помощь (2002)) [5];

С какой стороны ни посмотри, у всех полная уверенность, что мы страшно разбогатели (И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)) [5].

Представляет интерес список глаголов, фиксируемых в той или иной форме в составе фразеологизма вместо формы глагола *глянуть*, а также частотность их употребления (в скобках после инфинитива указано количество иллюстраций с данным глаголом): *посмотреть* (22), *подойти* (10), *взглянуть* (5), *подходить* (5), *смотреть* (4), *зайти* (3), *заходить* (3), *поглядеть* (3), *взять* (2), *глядеть* (2), по одному вхождению – *брать*, *ехать*, *идти*, *крутить*, *любоваться*, *начинать*, *поезжать*, *подступиться*, *прикоснуться*, *приниматься (за дело)*, *проверять*, *рассматривать*, *спать*.

Большинство глаголов приведенного списка можно отнести к одной из двух семантических групп – «зрительного восприятия» или «движения».

Как и в исходном фразеологизме *с какой стороны ни глянь*, в большинстве контекстов с использованием другого варианта фразеологизма – 38 из 72 (53%) – описывается ситуация «зрительного восприятия», а точнее, разностороннего осмысления, обдумывания:

Капнист опять жил в Петербурге, вел трудную тяжбу с соседом своим Тарковским и дописывал комедию; с какой стороны ни взгляни – ему нужны были покровители; державинская беда приходилась ему некстати (В. Ходасевич. Державин (1929–1931)) [5];

Так что забудьте все, что вы знали о престижных марках мужских костюмов, – с какой стороны ни посмотри, все равно у Borrelli практически нет конкурентов (Февраль. Достать чернил. Не плакать! // «Домовой» (2002)) [5].

Использование в вариантах фразеологизма глаголов, синонимичных глаголу *глянуть*, закономерно. Согласно данным НКРЯ, наиболее частотным является вариант *с какой стороны ни посмотри*, однако фактического материала в 72 иллюстрации недостаточно, чтобы с уверенностью судить о перевесе статистической устойчивости в пользу того или иного варианта анализируемой единицы. Судя по всему, можно сделать вывод о том, что устойчивой в данном случае является метафора рассмотрения ситуации с разных сторон.

Глаголы движения, наряду с глаголами зрительного восприятия, образуют значимую для исследования вариативности исходного фразеологизма семантическую группу и фиксируются в 26 из 72 (36%) анализируемых контекстов:

В самом сумасбродном поступке есть своя логика, а тут ни малейшей, ибо, с какой стороны ни подойди, в означенном тексте нет ни смысла, ни лада (Д. Биленкин. Загадка века (1958–1988)) [5];

А поскольку человек многогранен, то с какой стороны ни подступись, родится новая теория (М. Попов. Призыв к труду. Как заставить мужика работать? // «Бизнес-журнал» (2004)) [5].

Контексты показывают, что при использовании в составе анализируемого фразеологизма глаголов семантической группы «движение» описываемая ситуация не меняется, поскольку речь идет не о движении в прямом смысле, а вновь о восприятии и осмыслении, только теперь это значение представлено имплицитно («с какой стороны ни подойди и ни посмотри», «с какой стороны ни подступись и ни взгляни» и т. п.).

Вероятно, частотность использования носителями языка в исследуемой конструкции глаголов со значением движения может быть обусловлена пространственной семантикой слова *сторона*. В НКРЯ фиксируются примеры нефразеологического употребления сочетания *с какой стороны ни* + «глагол движения»:

Наша цель была – прорваться во Владивосток. А это означало – с какой стороны ни заходи, но нам не миновать Японского моря (А. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)) [5];

Глаза его горели лихорадочным блеском, и с какой стороны ни подойти к плакату, глаза неотступно следовали за тобой, как будто старик поворачивал голову (А. Рыбаков. Кортик (1946–1948)) [5].

Интересно, что в составе фразеологизма слово *сторона* может брать на себя дополнительную смысловую нагрузку:

Хотя мы уже числимся только почетными гражданами, но наши родные, все больше очень самостоятельные купцы, и целый ряд моих предков, с какой стороны ни

поглядишь, – с бабушкиной, с дедушкиной, отцовской, материнской – все торговые люди (Е. Дьяконова. Дневник русской женщины (1893)) [5];

Таким образом, с какой стороны ни подойти – экологической или техницистской, не удастся найти никаких убедительных оснований для постановки вопроса о содружественном развитии биосферы и общества (Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России (2005)) [5].

В 45 из 72 контекстов (63%), в которых фиксируется лексическая вариация глагольного компонента фразеологизма, не наблюдается его грамматической вариации, то есть носители языка используют такую же форму глагола, какая представлена в исходном фразеологизме, – форму повелительного наклонения 2 лица единственного числа. В других контекстах встречаются разнообразные формы глаголов:

Как он ни разглядывал ее, как ни пытал, с какой стороны ни заходил, а все видел пока только, что Марфенька была свежая, белокурая, здоровая, склонная к полноте девушка, живая и веселая (И. Гончаров. Обрыв (1869)) [5];

С какой стороны ни взглянуть, предыдущий период, 1860–1863 годов, и в Петербурге и в Москве был гораздо ярче, живее, полнее новыми движениями и крупными фактами общественного и литературного характера (П. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)) [5].

Как показывает анализ корпусных данных, фразеологизм *с какой стороны ни глянь* характеризуется вариативностью при употреблении в речи. Изменения касаются глагольного компонента, причем варьируется как сама глагольная лексема, так и форма глагола.

Регулярное использование носителями языка глаголов со значением зрительного восприятия и движения в составе вариантов фразеологизма, а также существование многих фразеологизмов подобного компонентного состава (к примеру, *куда ни глянь, куда ни кинь, куда ни повороти, как ни верти, как ни поверни* [4]) свидетельствуют о перспективе формирования фразеологической устойчивости другими вариантами анализируемой единицы. Так, профессор А. В. Кунин отмечает: «Динамический характер устойчивости проявляется не только в возможности выделения ее различных степеней, но также и в том, что объем инвариантности может увеличиваться или уменьшаться. Увеличение объема инвариантности – путь становления ФЕ, который проходит любой фразеологизм» [7, с. 55].

Изучение вариативности устойчивых единиц представляет особый интерес для исследователей, так как способствует определению границ фразеологического фонда языка и пониманию закономерностей формирования и использования фразеологических единиц.

Список использованных источников

1. Апресян, В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке / В. Ю. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
2. Мяосой, Ю. Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Мяосой, ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН». – М., 2012. – 24 с.
3. Гомонова, И. Г. Русские предложения-паремии с уступительным значением / И. Г. Гомонова // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья : Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.) / под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2021. – С. 364–368.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Фёдорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru>. – Дата доступа : 17.09.2023.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.09.2023.

6. Захаров, В. П. Лингвистика больших корпусов / В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии : сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (г. Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г.). – СПб. : Университет ИТМО, 2015. – С. 82–93.

7. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.

Abstract. This article describes the variants of the phraseological unit *from any side*, identified with the resources of the Russian National Corpus. The changes in the verbal component of the phraseological unit are described. The prevalence degree of the variants of the phraseological unit in the speech of native Russian speakers has been determined.

Keywords: phraseological unit, variant, concessional meaning, RNC, statistical analysis.

Завтрикова Полина Сергеевна – магистр филологических наук; аспирант; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (tumanika1@gmail.com).

УДК 811.161.1'37'38"18/20":177

И. П. Зайцева

**УЗЫ ДРУЖБЫ, БРАТСТВА, РОДСТВА...:
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЛЕКСЕМЫ УЗЫ
В XIX–XXI СТОЛЕТИЯХ**

Аннотация. В статье представлены результаты наблюдений, полученных на основе диахронно-синхронического анализа материалов лексикографических источников (толковых и фразеологических словарей), а также текстов «Национального корпуса русского языка», над динамикой семантико-стилистических характеристик лексемы *узы*, современным значениям которой свойственна преимущественно стилистическая ограниченность. Делается вывод о том, что при включении данной лексической единицы в состав некоторых устойчивых выражений её значение приобретает признаки фразеологически связанного.

Ключевые слова: лексема, синхронно-диахронический анализ, стилистическая маркированность, семантический объём, фразеологически связанное значение.

В процессе длительного функционирования языка (на протяжении нескольких веков или, как минимум, нескольких десятилетий) большинство его единиц, в первую очередь – лексических, как известно, подвержены различного рода трансформациям, могущим изменить их вплоть до полной неузнаваемости. В результате таких трансформаций, обусловленных комплексом причин, среди которых факторы как экстралингвистического, так и внутриязыкового свойства, слово, к примеру, может изменить не только собственно смысловые характеристики, но также стилистическую принадлежность, сочетаемостные и иные грамматические признаки и т. п.

Лексема *узы* известна русскому языку с его древнерусского периода, о чём свидетельствуют данные этимологических словарей – ср., в частности, сведения, содержащиеся в «Сравнительном этимологическом словаре русского языка» Н. В. Горяева и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «Уз-а въ ульѣ см. вязнуть при слове вязать» [1, с. 385; при цитировании данного источника сохранена оригинальная орфография]; «уза I «пчелиная смола, масса, которой пчелы защищают внутренность улья от света и воздуха. Из *vqza, связанного с узел, вязать, то есть «то, что связывает»; см. Горяев, ЭС 385»; «уза II, мн. *узы, узник*, др.-рус. *оуза*, «оковы», ст.-слав. жза. ... См. *узел, вязать, уже*. Родственно предыдущему» [2, с. 152].

Таким образом, уже в древнерусском языке сосуществовали две восходящие к общему корню – *вяз-* (*вязать, узел*) – омонимичные лексические единицы. Примеча-